

Колонизационные тексты имперских экспертов

Л. Похилевич «О колонизации Сибири»¹

1. Основываясь на законе, разрешающим каждому сыну отечества высказывать откровенно перед начальством свою мысль, хлопощуясь к общественному благу... представил свои рассуждения о средствах умножить народонаселение Сибири...

2. Мысли об умножении народонаселения Русского в Сибири в короткое время и без значительных издержек от казны.

§ 1. Есть три способа усилить народонаселение обширных, но пустынных ныне стран Сибири и прилегающих к ним с юга степей.

а) одновременно двинуть в Сибирь из Европейской России весь излишек населения (§§ 10 - 40);

б) периодически посылать туда на водворение определенное число д.о.п. со всех сословий Европейской России в виде рекрутского набора (§§ 42 - 43);

в) Принять систему браков Сибирского населения с населением Европейской России (§§ 44 - 56).

... § 5. Ничто так не возбудит охоту переселяться в другие страны, как уверенность в привольной там жизни и возможность приобрести там собственные земельные участки за сходную плату... В Сибири обилие привольных стран должны быть определены достаточные пространства земель разных условий и климатов для продажи их в частную собственность ... подобно тому, как это соблюдается в Северной Америке (по ценам один раз определенным).

§ 6. Должны быть выделены и казенные земли, для переселения тех, кто не имеет возможности приобретать землю в собственность...

§ 9 Земли изредка заселенные кочующими инородцами подлежат, как бы ни кем не занятые, к заселению переселенцами из Европейской России с ограничением, чтобы новые владельцы этих земель инородцам предоставили право и свободу продолжать свой образ жизни до определенной степени и с необходимой платою в пользу действительных владельцев земель, располагая их постепенно к оседлой жизни и к единению с русским населением узами единоверия и единославия...

§ 11. МГИ определяет какую часть (например, десятую) каждой губернии требуется переселить и куда.

§ 12. МГИ дает указание палатам, которые должны определить сколько именно из каждой волости будет переведено в Сибирь беднейших государственных крестьян для собственного их блага и для пользы остающихся на месте, какое будет оказано переселенцам пособие из мирских капиталов и от самих остающихся на месте.

§ 13. Волостные правления получают предписание составить именные списки лиц обою пола, предназначенных к переселению с реестрами вещей, денег и скота, которые переселяющиеся могут взять с собой.

§ 14. Так как остающиеся также получают выгоду, то каждая волость обязана принять на себя издержки переселения своих земляков. Пару волов или лошадей каждому семейству, если у них нет, запасное платье на два года, обувь, земледельческие орудия, семена и назначить каждому семейству небольшую сумму на дорожные издержки. Взамен того, волостное общество берет в свое владение дом переселяемого, его усадьбу, поля, сады и всякую недвижимую собственность.

§ 15. Есть ли волостное общество не в состоянии выплатить издержки, то сумма заимствуется из мирского капитала, или местного приказа общественного призрения.

¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 5. Д. 73. Записка титулярного советника Лаврентия Похилевича, 1856 г. Л. 1 – 22.

Заимствованная сумма возвращается с рассрочкою на несколько лет, без процентов. В возврате ссуды могут участвовать и переселившиеся в Сибирь.

§ 16. В назначенный срок каждая волость посылает от себя в указанную местность Сибири десятую часть из предназначенных к переселению лиц, преимущественно не имеющих малолетних детей в виде поверенных от общества, которым поручают:

- а) принять назначенную местность;
- б) устроить хоть временные жилища для себя и для будущих своих земляков;
- в) приобрести ... кормовые запасы;
- г) обсеменит часть полей и заготовить сено для скота и проч.

§ 17. В другой срок отправляются оставшиеся с земледельческими орудиями, скотом, семенами...

§ 18. При продвижении по маршруту (составленному Министерством) обыватели пользуются безденежно квартирами и пищею от обывателей, подобно воинам

Балкашин Н.В.

**Докладная записка младшего чиновника особых поручений Балкашина
Генерал-губернатору Западной Сибири²**

... приказали мне составить программу исследования производительных сил степей Западной Сибири для разъяснения возможности водворить между киргизами русские земледельческие поселения.

Вы изволили дать мне командировку в степи, чтобы произвести означенное исследование. Относясь к подобному поручению с полною готовностью, тем более что жизнь пастушьих народов была предметом моих научных занятий, я позволил себе, предварительно изложить краткий историко-экономический анализ нескольких вопросов о киргизах и смею надеяться, что Вы усмотрите из него, насколько мне знакомо настоящее положение киргизов по теории, а также в какой степени я понял великое значение Вашего намерения сделать их верноподданными России.

Затем я изложил самую программу исследования степей. Быть может она покажется слишком широкою, но иначе не возможно было бы соответствовать важности вопроса возбужденного во Всеподданнейшем отчете Вашем в 1874 г.

Необходимо немедленно приступить, т.к. потребуется много времени. Один не в состоянии справиться/ особенно занимая такую должность, которая не позволит мне долго находится в степи. /возложит исследование на уездных начальников, если они достаточно опытны в этом деле, или на особую экспедицию/ ... принимая смелость высказать, что хотя я всего несколько недель нахожусь в Сибири, но для меня уже достаточно ясно как легко могут оказаться несбыточными все мои предположения и относительно моих научных занятий, и относительно самой службы, вследствие чего мне остается только от души желать не утратить вашего милостивого внимания, каким я имею счастье пользоваться и заслужил ваше доверие.

проведение дороги – переселение крестьян для эксплуатации дороги и распространения цивилизации среди киргизов.

Поставленные вопросы: окончательно умиротворены киргизы и возможно ли самобытное достижение ими высшей цивилизации и насколько выгодно эксплуатировать их в первобытном состоянии.

1. Вообще пастушьи орды рознятся от оседлых народов, прежде всего, потому, что все существование их основывается на обладании движимой собственностью, заключающейся в стадах скота, которые сравнительно легко могут быть утрачены частью от неотвратимого влияния природы, частью со стороны насилия. Вследствие этого благосостояние кочевников крайне неустойчиво. И действительно, от зимней ли гололедицы, или от хищнических нападений, как богатые, так и бедные могут потерять все свое состояние, а восстановить его путем усиленного труда в их подвижном быту им невозможно, и приходится или ожидать естественного размножения ничтожных остатков своих стад, и в продолжении многих лет терпеть нужду, или же в свою очередь обращаться к хищничеству, чтобы путем насилия пополнить убыль в своем имуществе. Поэтому в среде пастушьих народов не только все удалое, но и все предприимчивое охотно шло на хищничество, причем самому отчаянному грабителю представлялся случай прославиться и стяжать доблестное прозвище батыра. Отсюда понятно почему баранта была обычным явлением между кочевниками, во все времена, пока над ними не возникала мощная централизованная власть с неутомимым воителем – ханом во главе. тогда все взрослое мужское население орды разделялось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч или тьмы, и каждый под страхом жестокого наказания, обязан был беспрекословно повиноваться своим начальникам. Но замирение орды достигалось не одним только

² КУ ИсАОО Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. О водворении в степи русских поселений, 1873. Т. 1. Л. 33 – 42 об.

упомянутым делением, а преимущественно по той причине, что все отважное уходило вслед за воителем ханом, чтобы ограбить соседние народы, покорять их себе, облагать данью и т.д. причем в орде из каждой семьи оставался только младший брат, называемый утчигином, т.е. хранителем домашнего очага. Таким образом, между пастушьими народами в короткое время создавались могущественные государства, в том числе величайшая империя Чингисхана, долго обливавшая кровью большую часть Азии и Европы, между прочим и Россию. В последствие с развитием военного искусства и учреждением постоянного войска у оседлых народов, вторжение пастушьих орд престало грозить былою опасностью; кочевникам в свою очередь пришлось отступать от земледельческого населения в глубину своих степей, а государства их, с падением централизации власти при слабых потомках прежних ханов, исчезли с лица земли не оставив после себя в степи ничего кроме смутных преданий и того же кочевого населения с его первобытными свойствами, с зависимостью в своем благосостоянии от случайного влияния природы и от хищнической баранты.

Из этих же орд не унаследовавших от своей вековой исторической жизни никаких задатков цивилизации. более миллиона киргизов приняли подданство России. По видимому, они довольны своей судьбою, исправно вносят ежегодную кибиточную подать, прекратили (36) между собой баранту и не грабят ни сопредельных со степями русского населения, ни по торговым путям в самих степях. Но в виду указаний истории и при экономическом строе кочевой жизни, едва ли можно ручаться чтобы после нескольких лет сряду неблагоприятных для степного скотоводства, или по каким-нибудь другим причинам, - мирные теперь киргизы не заволновались бы опять на громадном пространстве от р. Урал до китайской границы, что тем вероятнее, т.к. еще в недавнем прошлом между ними происходили волнения, возбуждаемые происками Кенисары, батырем Джанома Ходжей и пр. а перед тем возникали беспорядки в Букеевской орде, когда от жестокой зимы 1832 г. часть киргизов, кочевавшая у Каспийского моря потеряла почти половину своего скота; другая же часть кочевавшая на север, двинулась было на в пределы Саратовской губернии из опасения хищничества разоренных, которое спустя несколько времени и не замедлила заявить себя такими грабежами, что необходимо было выслать войско для их прекращения. А потому признавать киргизов верноподданными лишь по названию – ближе к истине, чем проблематические рассуждения будто бы они народ мирный, способный к самобытному достижению высшей цивилизации и т.д.

II

Обращаясь по поводу цивилизации кочевников опять к истории оказывается, что действительно, многие бродячие племена, вследствие экономической необходимости сами по себе обращались к скотоводству, а потом осваивались с земледелием и достигали гражданственности. В науке даже создалась такая теория, признававшая последовательный переход от бродячей охотничьей жизни к пастушеской и дальнейшее обращение к земледелию неминуемыми фазами в развитии народов, хотя это вопрос весьма условный. Но, как бы то ни было все эти бытовые перевороты происходили в те отдаленные времена, когда народы не соприкасались так близко между собой как теперь, когда застой в развитии одного народа не мог составлять тормоза к дальнейшему развитию благосостояния другого более цивилизованного народа. Напротив, позднейшая история наглядно показывает, что к земледелию и гражданственности обратились только те народы, которые покорили себе земледельческие государства и, заняв их, более или менее сплотились с поработанным земледельческим населением, как например, турки, венгры, болгары и т.д., причем болгары до такой степени слились с придунайским славянским населением, что язык из утратил свою самобытность и образовалось как бы славянское наречие. /Сами по себе в новейшее время кочевники не обращаются к земледелию/ и достигали гражданственности, да это и ожидать нельзя, потому что между ними, так же как и в среде земледельцев первичного периода хлебопашества, единственными экономическими центрами населения служили меньшинство достаточных

лиц. В случае нужды бедные кочевники обращаются для займа скота, часто под высокий процент, равняющийся естественному размножению взятых займы животных. Несмотря на то, большинство бедных искони не устранялось от хозяйственного сношения с меньшинством богатых и при всех своих хищнических наклонностях не посягало разделить между собой все количество скота, имеющееся в орде, или пользоваться им сообща. Отсюда можно заключить как сильно экономическое влияние богатых в кочевом быту на остальное население. Между тем к земледелию и оседлости могут побуждать не только самые бедные кочевники, лишившиеся своего скота и кредита у богатых, для которых напротив, возникающие в степях хлебопашество, если не служит стеснением в скотоводстве, то по крайней мере не представляется выгодным. Потому понятно, что богатые кочевники с призрением относятся к земледелию, признавая его недостойным себя и нисколько не поддерживают обратившихся к нему бедняков, вследствие чего последним остается при первой же возможности расстаться с земледельческим трудом и возвратиться к скотоводству, к обычной кочевой жизни. После чего не удивительно, что земледелие не сделало значительных успехов ни между башкирами, ни между киргизами Букеевской орды, не смотря на поощрение со стороны правительства, точно также оно не превратило в плодородную страну черноземных степей южной России, пока там властвовали татары, хотя по словам Барбаро, в XV ст. многие из них уже засеивали пшеницу и просо среди своих кочевников. А потому и киргизы Средней орды сами по себе сделались отчасти временнокочующими из вечнокочующих домогаются, чтобы зимовки были признаны их неотъемлемой недвижимой собственностью, местами засеивают поля, запасаются сеном и даже иногда воздвигают постройки, то все это еще очень далеко от оседлости и земледелия в прямом смысле, не говоря уже о гражданственности. Что же касается до России, то для нее с проведением жд и вообще с развитием торговли в Азии едва ли будет удобно выжидать столетия когда самобытное развитие киргизов повлечет за собой более существенные результаты; равным образом киргизская цивилизация дорого обошлась бы России, если бы признано уместным не водворять в степях русских поселений, учреждать в них искусственные экономические центры в виде образцовых ферм, практических земледельческих школ и т.д. причем русским правительством в сущности, создавалось бы какое-то заповедное для русских киргизско-мусульманское государство. Отсюда ясно, что упомянутые во Всеподданнейшем отчете В. Высокопревосходительства ничтожность киргизского населения в гражданственности и необходимость для его постепенной цивилизации водворить в степях русских земледельцев – не подлежит сомнению, тогда как доводы в пользу самобытного развития киргизов или противоречат целому ряду историко-экономических факторов, или же не совпадают с интересами России.

III

Наконец вопрос: не выгоднее ли, помимо цивилизации киргизов, эксплуатировать их в том первобытном виде, в каком они находятся? с первого взгляда, казалось бы, мог разрешиться простым расчетом сколь собирается с них ежегодной подати и что стоит управление их, вместе с содержанием войск на случай возникновения между ними беспорядков. Но если даже в итоге такого расчета, оказался излишек дохода против расхода, то, при более проницательном отношении к вопросу об эксплуатации, едва ли было бы возможным удовлетвориться подобным результатом, т.к. потребовалось бы принять еще в соображение: насколько не прочно благосостояние киргиз, чтобы возрастать соответственно увеличению их населения и доставлять средства к бездоимочному платежу податей. Приблизительно, об этом можно заключить следующее: все благосостояние киргизов основывается на чисто экстенсивном скотоводстве причем владельцы стад, пользуясь скотом и наблюдая за ним, предоставляют ему самому отыскивать себе пропитание и выносить зимнюю непогоду. Потому размножение скота в кочевом хозяйстве наиболее зависит от количества и качества пастбищ и в, особенности, от благоприятного зимнего времени, т.к. гололедица и бураны уничтожают едва вероятное

число (38 об) скота, например, в зиму 1855 – 56 гг. насчитывали, что у киргиз пало: верблюдов 33 427 голов, лошадей 179405 голов, рогатого скота – 63 005 голов, овец и коз 710563 гол. Сопоставляя эти цифры с гибелью в зиму 1812 г. от стужи и бескормицы 125352 голов разного скота в Новороссийском крае, трудно предполагать их преувеличенными до невозможности. /Скот восстановится в соответствии с размерами пастбищ, но не пропорционально увеличению населения. Так в Букеевской орде с 1803 – 1840 г. скот: от 2 млн. до 2,5, потом упал до 1,9 и опять возрос до 2,07; а население с 25 тыс. д.о.п. увеличилось до 70 тыс. Допуская возможность ошибки, нельзя отрицать выводов Мальтуса. В средней орде с прекращением баранты, развитием врачебной помощи, прекращением повальных болезней население будет увеличиваться, а количества скота останется таким, каким определила его природа/. Распространяя на вышеприведенное число населения даже значительно меньшую прогрессию возрастания населения Букеевской орды, оказывается едва ли эксплуатация киргизов Средней орды может быть выгодною продолжительное время. Рассчитывать же на значительную прибыль скота в будущем, тем труднее, что как на Севере, так и Юге они пытаются уже прокармливать его за пределами своих степей, именно, приникают в Томскую губернию и Туркестанскую область. Следовательно, и с эксплуативною целью нет повода оставлять киргизов в настоящем их состоянии. Если между ними дано было бы место земледелию, то хотя бы под пашни и оказалось бы необходимым занять часть степных пастбищ, быть может даже самых лучших, но от этого не уменьшились бы средства для продовольствия скота в степях. Так как занятое пашнями пространство кроме зернового хлеба, доставляло бы еще солому, которая могла бы служить частью для топлива как Новороссийском крае, частью для корма скота и, вместе с тем с накопленным сеном, до известной степени обеспечивало бы скот от гибели в случае гололедицы. Со своей стороны киргизы имели бы больше возможности заменять мясную пищу хлебною, т.е. не затрачивать столько скота на свое продовольствие как теперь... /баран обмененный на муку/. Таким образом, с водворением земледелия в степях, основное благосостояние киргизов, их скотоводство, упрочилось бы и тем более средств представилось бы для их эксплуатации, хотя быть может не лишним было бы усилить ее и теперь, именно взамен всеобщей воинской повинности, по сомнительной пригодности к ней большинства киргизов, увеличит взимаемую с них кибиточную подать, но не независимо от этого, в случае военных действий на юге Туркестанской области, набирать из киргизов конные иррегулярные ополчения и высылать их в распоряжение Главнокомандующего Туркестанской армией.

Из всего вышеприведенного оказывается, что, мнения противоречащие мысли В. Высокопревосходительства относительно необходимости водворить между киргизами оседлых земледельцев, легко опровергаются в принципе и падают сами собой. Несомненно труднее определить практическую возможность устройства в степи русских поселений, т.к. при этом нельзя было бы пожелать чтобы оно с самого начала 1) соответствовало естественному ходу колонизации вообще, 2) направлялось бы с двойною целью распространять между киргизами начатков цивилизации и обеспечение предполагаемой в степях жд; 3) согласовалось бы с политической задачей поддерживать спокойствие в среде киргизов и 4) по возможности совпадало в своем развитии с экономическими интересами соседнего с ними киргизского населения, или по крайней мере, не причиняло ему вреда. Но за отсутствием исследований о производительных силах степей и о значении их в кочевом хозяйстве киргизов, нет данных даже для поверхностного заключения: могут ли быть соблюдены означенные условия или нет. Остается предполагать, что т.к. в древние и новейшие времена земледельческое население своим естественным путем, повсюду распространялось по берегам рек, то в киргизских степях оно должно будет водворяться около рек, тем более, что в средних и южных степных местностях земледельческий труд едва ли может вознаграждаться иначе как орошением полей. Затем оседлое население могло бы занимать удобные для земледелия местности около станций на пути почтового сообщения между уездными городами,

причем, кроме земледелия, поселенцами предоставлялись бы еще разные способы к извлечению средств для обеспечения своих потребностей, например, кустарная промышленность, мелочная торговля и т.д. На одинаковом основании они могли бы водворяться и около станций железнодорожных. Допуская вероятность подобных предположений, отчасти в виду того, что на степном пространстве между Омском и [неразб.] русское население преимущественно сгущается по р. Иртышу и по пути от Семипалатинска к верному, можно заключить, что оно стало бы распространяться и по б. Ишима, а также по пути от Петропавловска в Кокчетав, Атбасар и т.д. Потом с устройством жд к пределам Туркестана, в Акмолинской области от Петропавловска, или в Тургайской от Кузнецка, оно направилось бы далее к югу, сгущаясь около станций железной дороги, или же занимая побережье р. Терс-Аккана, впадающего в Ишим, равно побережья Кара-Кингира с его притоками и р. Сары-су. Результатом такого водворения оседлого земледелия в степях между прочими было бы то, что Средняя орда киргизов оказалась бы разъединена русским населением от Малой орды более действительно, чем границею, существующею теперь на географических картах и на бумагах администрации, а подобное разделение орд, несомненно, укрепило бы собою безусловную покорность их России и не могло бы не соответствовать политическим соображениям правительства относительно киргизов. Наконец, быть может удалось бы сблизить экономические интересы земледельцев и кочевников к их взаимной выгоде. /о преимуществах небольших поселков 4 – 5 двора, т.к. не занимают много пространства, скорее устраиваться и обедневшим киргизам чаще представлялась возможность примыкать к земледелию не удаляясь от своих кочевых родичей; полезны возле зимовок, т.к. в летнее время могли бы их охранять, а киргизы в ответ пасли бы мелкий скот/. Если бы сближение оседлого хозяйства с кочевым повлекло бы за собою взаимную выгоду и для кочевников и для земледельцев, то это не замедлило бы упрочить между ними хозяйственные сношения и наиболее поспособствовало бы постепенной цивилизации киргизов.

Тем не менее, впредь до обстоятельного исследования производительных сил степей, все сказанное о водворении оседлых поселенцев, представляется более или менее логичное сочетание предположений, которые в действительности, легко могут оказаться неосуществимыми. Во многих степных местностях, по неудобству почвы для земледелия, по отсутствию достаточного количества воды, по недостатку строительного материала. А потому предварительно необходимо выяснить:

1. существует ли в настоящее время между киргизами какое либо хлебопашество в окрестностях степных почтовых дорог и по р. Ишиму, Терс-Аккану, а также по Кара-Кингиру, его притоках и по р. Сары-Су. Если существует, то насколько сопряжено с орошением.

2. В каком состоянии находится хозяйство у содержателей почтовых станций и у казаков?

3. Возможно ли на основании вышеуказанных сведений вывести приблизительный расчет: какое пространство потребовалось бы средним числом в данной местности для оседлого хозяйства 1 земледельческой семьи, или 1 двора.

4. Достаточно ли в вышеуказанных местностях пригодной для хлебопашества почвы, лесу или камышу...чтобы земледельческие поселки можно было устраивать по данному направлению на расстоянии не далее 35 – 45 верст.

5. Имеются ли в тех местностях зимовки киргизов, каково их экономическое состояние, т.е. какое пространство занимают, имеются ли постройки. Могли бы разместиться рядом небольшие земледельческие поселки. Могли ли бы означенные поселки стеснить летние кочевки киргизов относительно водопоя.

6. Привести в известность направления летних кочевок, связь с зимовками, но вместе с тем устранить чересполосицу; а также определить какое влияние имеет на летние кочевки увеличение числа юрт и количество скота в ауле.

7. В каком состоянии находятся бывшие укрепления, казацкие станицы, пикеты. ...

8. Сравнить орошение полей, существующие у киргизов с вековыми ирригационными приспособлениями, какие имеются Туркестане, Самарканде и др. подвластных России областям древнего Хуarezма.

Затем неминуемо возникнет новый вопрос: каким образом русские поселенцы освоятся с орошением полей, хотя и не особенно трудным, но однако же совсем ек знакомым для них делом. ...

Во всяком случае, если бы даже удалось привести в известность производительные силы степей и их экономическое значение, после чего степи перестали бы оставаться как теперь обыкновенно выражаются «загадкою», то и это было бы уже драгоценным вкладом ... облегчило бы последующие административные соображения относительно киргизов.

Заметки Военного губернатора Акмолинской области генерал-майора В.С. Цитовича на докладную записку Чиновника Особых Поручений Балкашина от 9.02. № 1. 12.02. 1877. г. Омск³

Л. 34. п.1. Предположение, будто бы для России полезнее оставить киргизов в кочевом положении, нежели постепенно переводить их в оседлое состояние, до такой степени неосновательно, что не заслуживает серьезных возражений. С другой стороны нельзя отрицать и того, что киргизское скотоводство приносит огромную и не только соседним, но и отдаленным местностям. Все Сибирское казачье войско ездит на киргизских лошадях, почтовая гоньба не только в Областях, но частью и в смежных губерниях отбывается на них же, огромные гурты киргизского скота (144 об) отправляется в Европейскую Россию. Убить киргизское скотоводство значит нанести чувствительный удар экономическому благосостоянию значительной части государства. Поэтому как запрещение заводить в степи оседлые поселения, так и препятствовать к дальнейшему развитию степного скотоводства, будут одинаково вредны для государства. Нужно поставить дело таким образом, чтобы оседлые население беспрепятственно устраивались и развивались в степи и чтобы в тоже время они не препятствовали свободному развитию киргизского скотоводства. В акмолинской степи так много земли, что долгое время оседлые поселения не будут препятствовать свободному кочеванию киргизских гуртов и табунов.

(145) К тому же времени, когда оседлые поселения в степи размножатся до такой степени, что будут стеснять кочевников, экономическое положение степи может настолько видоизмениться, что не будет уже надобности в перекочевке киргизов на нынешних огромных пространствах. Поэтому в настоящее время устройство в степи оседлых поселений, будут ли они киргизские или русские весьма желательно. Теперь пришло именно то время, когда можно приступить к устройству киргизских оседлых поселений, потому что сами киргизы начинают заявлять свои ходатайства. Главное затруднение в этом деле составляет отсутствие какого-либо положения о переводе киргизов из кочевого в оседлое состояние.

(145 об) необходимо иметь хотя бы общие указания о размере наделов земель, условий водворения, пособия на устройство домов и первоначальное обзаведение, устройство быта оседлых киргизов. Кроме того необходимо установит два рода поселений: оседлые и полуоседлые. К первому будет обращаться бедные киргизы, неимеющие надобности в перекочевках, и ко второму богатые, которые свои зимовые стойбища устроят в виде селений и в то же время будут пользоваться и летними кочевьями. Оба рода поселений нужно ввести одновременно, потому что в противном случае богатые киргизы будут тормозить переход бедных киргизов в оседлое состояние .

(146) Лист 35 пункт 2

оседлые поселения будут ли они киргизские или русские, стеснять кочующих киргизов действительно не могут, но ограничение перекочевков пределами своих волостей понесет чувствительный ущерб киргизскому скотоводству; при том же это будет незаконно. На основании п. 60. Степн. полож. Волости составляются по местным удобствам, из аулов, соседственных поземельному пользованию зимними стойбищами. По п. 213 зимовые стойбища предоставляются в общественное пользование каждой волости отдельно; а по п. 218 летние кочевки предоставляются в общественное пользование волостей целого уезда. поэтому воспрещение киргизам переходить для кочевков за пределы своих волостей будет нарушением прав, предоставленных им законом.

(146 об) в том же п. 218 между прочим говорится, что волости, по возможности должны не выходить за пределы своих уездов; следовательно, все таки по- возможности, а не безусловно. В прочем в северной половине Области киргизы и без того редко выходят за

³ КУ ИсАОО. Ф.3. Оп. 7. Д. 11587. О водворении в степи русских поселений, 1873. Т. 1.

пределы своих волостей, киргизы же Южных волостей Сары-Суйского уезда кочуют по всему уезду и в июне доходят ?Баганалинские волости до Атбасара, а Актавские до Акмолинска. Причина этого явления заключается с одной стороны в огромном количестве скота, принадлежащего Баганалинским волостям, а с другой в бесплодности Голодной степи, находящейся на юге области.

наконец обстоятельства иногда вынуждают киргизов переходить не только за пределы своих уездов, но и за пределы Области. Это (147) случается при появляющихся по временам в степи гололедицах. Во время нынешней зимы гололедица случилась в Омском уезде и киргизы волостей этого уезда просили разрешение отогнать свой скот в Кулундинскую степь Семипалатинской области и Томской губернии, и когда это было им запрещено, то они не спрашивая ничего разрешения, перегнали свой скот частью в Кокчетавский, а часть в Петропавловский уезд. Киргизы этих последних уездов не заявляют претензий на подобное перекочевание, потому что и сами бываю поставлены в необходимость перегонять свой скот в чужие уезды. При том же пользование в зимнее время летовками не причиняет владельцам никаких убытков. ... (147 об) подобные перекочевки не могут быть запрещены, но чтобы предать этому делу вид законности, можно пожалуй обязать киргизов для права подобных перекочевок выбирать полугодовые паспорта, хотя это и составляет для них большое стеснение.

Укрепление за кочевыми киргизами их зимовых стойбищ не может быть допущено (карандашом – вполне разделяю это мнение), а следует предоставлять в собственность земли исключительно оседлым киргизам. Можно было бы укреплять на известных условиях за кочевыми киргизами только те земли на которых они производят хлебопашество, но и это едва ли нужно. Если эти земли пригодны (148) для оседлого поселения, то выгоднее отдать их оседлым киргизам, так как размеры их наделов не особенно велики, то желательно, чтобы эти наделы состояли из земли действительно доброкачественной. Киргизские же зимовые стойбища занимают нередко громадное пространство и, если лучшие земли укреплять за кочевыми киргизами, то может встретиться в них недостаток для оседлых поселений. ...

(148 об) Лист 37 об. пункт 3.

Казачьи поселения в степи имеют сравнительно очень слабое влияние на привлечение киргизов к земледелию, потому что они сами им мало занимаются, предпочитая заниматься скотоводством, мелочною торговлей, рыболовством и отдачей своих земель киргизам в оброчное содержание. Причины того, что казаки занимая самые лучшие земли в степи, извлекают из них самую незначительную пользу, заключается в служебном положении их, как воинов-земледельцев. /Условия службы не позволяют содержать хозяйство в порядке – служба в отряде примерно три года через три/

(149 об) ... Поэтому я совершенно согласен с Г. Балкашинским, что в настоящее время самое существование сибирских казаков составляет аномалию, которая едва ли может быть терпима более каких-нибудь 25 лет. В былые времена казачьи войска отличались удалью, ухарством, сметливостью, выносливостью и другими боевыми качествами; но это было в то время, когда они жили и служили лицом к лицу с неприятелем. Защищая свои станицы, они тем самым охраняли окраины государства от вторжения диких орд в его пределы. близость неприятеля приучала их быть осторожными, бдительными и на практике изоощряла их в разведовательной службе. Теперь же Сибирскому казачьему войску, чтобы добраться до неприятеля (150) нужно совершить поход в 1500 верст. Это похоже на то, как если бы для охранения нашей кавказской границы устроили линию казачьих поселений в Московской губернии. А между тем какой тормоз составляют казаки для развития гражданственности в степи. Будь они государственными крестьянами, их можно было бы расселить по всей степи и тогда не будучи отрываемы от своего домашнего очага на периодическую строевую службу, они могли бы лично устроить свое хозяйство и оказывали бы действительно благотворное влияние на цивилизацию киргизов. Казаков же нельзя расселять по степи, потому что

через это нарушается стройность станичного и военного их управления /трудно взыскивать долги в войсковые и станичные суммы, усложниться делопроизводство в Войсковом хозяйственном Правлении; Ходатайство казаков Аканбурлукской станицы переселиться на Амантайский пикет – для крестьян это возможно, для казаков очень сложно и неэффективно: своего хозяйства не заведут, сдадут лучшие земли в аренду тем же киргизам, которые на них заведут выпаса, или, что еще хуже, сами зайнутся скотоводством и другими киргизскими промыслами; финансовый ущерб для казны, т.к. казна с них не получает дохода + множество статей расходы: управление; как предложение перейти к комплектованию регулярных войск; за 6-7 лет приобретут прекрасные боевые качества, которых не смогли приобрести Сибирские казаки, т.к. не имели случая проявить свою удаль/

(152 об)

С желанием заселить степь не большими поселениями (хуторскими в 4 -5 дворов) едва ли можно согласиться. За множеством мелких поселений трудно иметь должное административное наблюдение, трудно развить промыслы, ввести улучшения в сх, трудно устроить суд и расправу и т.п.

Справка канцелярии Степного генерал-губернатора по делу о водворении в степи русских поселений, 1882 г., ноября 29.⁴

Вопрос об устройстве в степи русских поселений был возбужден в 1873 году. Управлявший в то время Семипалатинской областью представил председательствовавшему в Совет главного управления Западной Сибири проект правил по водворению в Семипалатинской области русских поселений, выработанный в Семипалатинском областном правлении. Проект этот председательствовавшим в Совете был препровожден 20 июля 1873 года за №758 военному губернатору Акмолинской области на заключение о применении означенных правил по колонизации степей в Акмолинской области. Как в Акмолинской, так и в Семипалатинской области были запрошены уездные начальники о местах удобных для поселений. Некоторые из уездных начальников отозвались о неимении в их уездах таких мест, другие, что хотя и есть, но заняты зимовками киргиз, иные же заявили, что есть удобные места и что заселение их было бы желательно. Совет главного управления Западной Сибири рассмотрев предложения Семипалатинского и Акмолинского военных губернаторов, основанных на журнальных постановлениях областных Правлений признавая, что колонизация в степи, преимущественно на почтовых и коммерческих дорогах, весьма полезна для развития земледелия, промышленности и степной торговли и что водворение русских переселенцев на казенных свободных землях не может быть стеснительным для местных кочующих киргизов и послужит лучшим для них примером к оседлости, журнальным постановлением, состоявшимся 29-30 ноября 1874 года, определил: предположение о колонизации степи Семипалатинской и Акмолинской областей вместе с проектом правил для поселений и управлений оных представить на благоусмотрение г[осподин]а министра внутренних дел, для утверждения их в законодательном порядке, что и было исполнено 30 того же ноября за №1426. Распоряжения министра внутренних дел по этому представлению не последовало. Затем генерал-губернатор Казнаков во всеподданнейшем отчете Государю Императору за 1874 год высказал, что осторожное, без стеснения кочевников, водворение внутри киргизских степей оседлого русского населения представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа.. Это могло бы обратить на себя Высочайшее Государя Императора внимание и Его Величество при рассмотрении сказанного объяснения соизволил повелеть: «сообразить». О таковой Высочайшей отметке министр внутренних дел сообщил генерал-губернатору Западной Сибири в отношении от 12 декабря 1875 года за №778. В 1876 году 23 января за № 95 генерал Казнаков вновь вошел с представлением к Министру внутренних дел прося содействия в разрешении вопроса о колонизации степей и между тем распорядился о производстве:

1/ изысканий по Акмолинской и Семипалатинской областей мест, удобных для поселения;

2/ исследовании производительных сил степей Западной Сибири. Кроме того учредил особый комитет для обсуждения мер к возведению в степи русских поселений.

Предполагаемые генералом Казнаковым меры заключались, между прочим, в следующем:

Размеры участков для колонизации должны быть не менее как на 10 семейств, в числе 20 или 30 душ мужского пола, так чтобы, полагая на каждую душу приблизительно по 30 десятин надела, каждый участок заключал в себе от 1200 до 2000 удобной земли.

Расстояние между отдельными участками должно быть не менее 15-ти по возможности, не более 30 верст. Для киргиз же, которые заявили желание заняться земледелием, изыскать земли внутри степи.

⁴ ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.3968. Л.1 – 15 об.

Таким образом с 1878 года началась фактическая колонизация степи Западной Сибири. Между тем на вышесказанное представление генерал-лейтенанта Казнакова от 23 января 1876 года за № 95 министр внутренних дел отношением от 11 ноября 1878 года за №164 уведомил, что ходатайство о колонизации степей было сообщено министрам государственных имуществ, финансов и военного, которые отозвались.

Статс-секретарь Валуев, что, по мнению его, предполагаемая русская колонизация киргизских степей Сибирского ведомства представляется мерой преждевременной, так как правительство в настоящее время озабочено правильным устройством значительного числа переселенцев в Уфимской и Оренбургской губерниях и прежде сколько-нибудь удовлетворительного разрешения сей последней едва ли было бы целесообразно приступать к попыткам водворения оседлого населения среди сибирских киргизов, центральных губерний местности тем более, что неоднократно повторявшиеся затруднения при движении переселенческих партии в отдаленные местности вызывает правительство к крайней осторожности при разрешении всяких мер, клонящихся к передвижению несколько значительных частей народонаселения.

Управлявший Министерством финансов, тайный Советник Шамшин, что принимая во внимание с одной стороны удостоверение Главного местного начальника о пользе, которую должно принести краю водворение в степи русских поселений и что мера эта может быть осуществлена без всякого опасения за нарушения спокойствия в крае и с другой, что предположение это не вызывает нового расхода со стороны государственного казначейства, Министерство финансов не встречает препятствий согласиться с таковыми предположениями главного местного начальства.

Начальник главного штаба генерал-адъютант граф Гейден, что соглашаясь с соображениями, определяющими возможность колонизации степей Западной Сибири в экономическом отношении, находит вместе с тем, что возможно быстрая колонизация этих степей важна и желательна и в военно-политическом отношении. Но при этом военное Министерство признает, что частный вопрос о колонизации степей Акмолинской и Семипалатинской областей нельзя отделить от общего вопроса колонизации всей Сибири и Туркестанского края, так как огромные пространства наших Азиатских владений не только слишком редко населены, но за последнее время приращение в них русского элемента идет медленно. А между тем события, совершающиеся в соседних с нами владениях в Азии, Японии и Китае, заставляют в настоящее время особенно сильно желать усиления русского населения в Азии путем колонизации довести его до такой численности, чтобы оно могло укомплектовать все части войск расположенных как в Сибирских, так в Туркестанских округах и имело бы всегда достаточный запас на случай если бы политические события вызвали необходимость в сосредоточении военных сил в том или другом из округов, причем Западная Сибирь будет служить резервуаром для укомплектования войск как Восточной Сибири, так и Туркестанского края. Сообщая об этом генералу Казнакову, министр внутренних дел просил уведомить об окончательном заключении генерал-губернатора по настоящему делу. Сообщение Г[осподину] Министру о распоряжениях по колонизации сделано 26 ноября 1878 года за №1445.

Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по киргизским степям⁵

9.07.1865. Столб Европа-Азия. Сумрачная обстановка памятника, кругом мрачный хвойный лес, охваченный туманом вечера и дождя, пустынная местность, мысль, что еще шаг и я в Азии, - (С. 198) все это подействовало на меня неприятно. Поскорей в тарантас и пощупаю револьвер. Здесь шалют...

12.07.1865. Около Ялуторовска. ...картина великолепная, напоминающая западные штаты Северной Америки.

13.07. 1865. Как хорошо дышится! Нет, у нас не знают Сибири с ее красотой, богатством на большой масштаб, довольством и неприкосновенною, полудевственной ее природою! Хороша она, эта отверженная Сибирь.

14.07.1865. с. Абацкое, около Омска. По мере нашего движения в глубь Сибири, чаще и чаще попадаются ссыльные поляки, в своих чамарках и конфедератках. Их положение, говорят, довольно жалко. Влияние их очевидно. То встретишь, совершенно неожиданно, на какой-нибудь станции портрет Гарибальди, то фотографический портрет с надписью на польском языке, то искаженные на польский лад слова, сказанные чистым русским. Это и понятно; но, конечно, нельзя приписать ничьему влиянию поразительную чистоту внутри домов сибирских жителей. Лестница только что вымыта; если грязь на дворе, то застлана какой-нибудь тряпкой; пол в комнатах выскреблен; стены опрятны и всегда оклеены бумагой. Так жить могут люди, только имеющие средства. Это очень хорошо, что сибиряки в этом случае не подражают крестьянам Европейской России. Есть еще одна черта, отличающая сибиряков, они не употребляют каши и не сеют крупы. Каша, еда исключительно великороссиян, а любовь к ней – их характеристика.

16.07.1865. Омск. Дюгамель. Он был любезен с нами, но сквозь эту любезность проглядывала враждебность и недоверие к нашим силам. <> Я не без любопытства смотрел на тушу мяса, называемую Дюгамелем, которая, т.е. туша, пользовалась когда-то репутацией ученой. <> Из разговора Дюгамеля я увидел, что он знает край не лучше меня, что он апатичен, равнодушен ко всему и враждебен нашему наступательному движению в средней Азии. Впрочем, и эта враждебность есть результат того, что Черняев был прислан из Петербурга с готовым завоевательным планом и что он поставил себя во враждебное отношение к сибирским властям. <> За обедом речь шла про происшествие, занимавшее весь Омск, - про сепаратистские стремления казаков. Это дело открылось следующим образом. Генерал Линден (Константин Александрович), директор кадетского корпуса и бывший мой учитель артиллерии (в Дворянском полку) рассказывал мне сегодня утром, что несколько недель назад командир кадетского эскадрона вошел к нему в дежурную комнату с «перековерканным лицом». Я уже с первого раза увидел, - говорил Линден, - что дело очень нехорошее, потому, не спрашивая офицера при свидетелях, вышел с ним в другую комнату. Эскадронный командир безмолвно подал мне «воззвание к сибирским патриотам», найденное им в кармане у одного кадета.

Я позвал кадета и спросил, откуда он взял эту штуку. Кадет побледнел и ответил, что он отнял у другого кадета Усова. Я позвал этого, посадил в особую комнату. После долгих расспросов, оказалось следующее: Усов взял эту прокламацию на столе, у брата своего, офицера сибирского казачьего войска, у которого была она оставлена каким-то Ядринцовым, недоучившимся студентом Петербургского университета. Ядринцов жил в Томске. Туда телеграфировали и в его бумагах найдено очень много компрометирующего его. По этим бумагам арестован Потанин, очень образованный казачий офицер, писавший много в записках географического общества. Далее по письмам, по бумагам и показаниям арестован Щукин, учитель Томского училища, оказавшийся деятельным участником всего этого детского заговора. Потанин и Щукин были его центрами. Профессор Щапов,

⁵ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. Т. I. С. 197 – 225.

говорят, тоже замешан. «Мне очень досадно», продолжал Линден, «что я невольно был принужден заедать жандармский хлеб».

Следствие производится комиссиею под председательством Пеллено.

Разработка плана поездки в степь. Г. взялся разработать судебный отдел; мне поручено внутренний быт, торговлю и военный вопрос; Г-й - поземельный вопрос и податной; Галл-му - раздор существующей администрации; П. – религиозный. Ехать решились мы быстро там, где это возможно, и пожить подольше в Алатавском округе, как более разнообразном в территориальном и этнографическом отношении. К тому же там киргизы менее испорчены нашею администрациею.

Кроиерус, интриговавший против покойного Велиханова, этой честнейшей и чистейшей личности, за то только, что государь дал ему аудиенцию и поцеловал, - сказал про него несколько невыгодных слов. Я рассказал, что лучшие ориенталисты, в том числе и Ковалевский, считают его замечательным ученым, лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов. Дюгамелю и С^о этот отзыв, как я и ждал, видимо не понравился.

Вечером читали положение о степи. Господи, что за чепуха! Сперанский, автор скелета этого положения, имел, конечно, в виду благо киргиз, но его намерение так и осталось одним намерением, потому что законы, им писанные, творились а priori и только слегка почерпались из народной жизни. Оттого они носят на себе отпечаток честнейших намерений и дурного исполнения этих намерений; к довершению этого винегрета, наивный идеализм и чиновное доктринерство проскакивают на каждом шагу. Губернаторы должны стараться внушать киргизам то и то; должны заботиться развивать торговлю; должны цивилизовать, - вот общий характер менторской части законов; потом наступает говор чиновника, парализующий суд биев, вмешивающийся во внутренний быт киргизов, централизующий все управления и проч. и проч.

Омск сносный город настолько, насколько может быть сносна столица управления и обитель главнейших чиновников Западной Сибири. Ни торгового, ни исторического значения он не имеет. Крепость стара и заброшена, как упраздненная. Из-за округленного вала выглядывает черный часток, окружающий четырехугольное пространство внутри бастиона. Это «Мертвый дом», где содержался Достоевский. Город собственно лежит на левом берегу Оми. Мечеть едва ли не лучшее здание города. И как видна во всем искусственность: около главной мечети построен большой меновой двор, стоящий всегда пустой; иные говорят, что это здание построено для приезжих знатных азиатцев, послов и проч. Во всяком случае, он стоял пуст со времени своей постройки. Теперь там какая-то казарма. Если из Омска перенести резиденцию генерал-губернатора, он непременно упадет и обратится в полу деревню. Впрочем, перенос резиденции, несмотря на очевидную необходимость, затруднится тем, что у большинства влиятельных чиновников собственные дома в Омске. Однако, может быть, нам удастся достигнуть этого.

19-25.07. 1865. В Омске активно изучают законодательство. Мы остановились на следующих выводах: суд для киргиз должен быть их собственный, исключая преступлений, наносящих убыток интересам собственно русских людей или вредящих государству. Киргизский народ должен содержать всю администрацию, поставляемую для управления им, на свой счет. Расход по управлению степью в военном и административном отношении и содержание пограничных войск определяет цифру податей, которые разлагаются на уезды, по количеству кибиток. В волостях раскладка идет по внутренней раскладке, производимой самими киргизами и пропорционально состоянию. Земля, на которой киргизы кочуют, должна быть закреплена за ними с предоставлением права купли и продажи. Этим способом можно только усилить колонизацию степей. Казаков, по единодушному и основательному суждению комиссии, нужно обратить в обыкновенных поселян. Из всех киргизских степей нужно образовать одно генерал-губернаторство (Туркестанское или Киргизское) с резиденциею на юге в Туркестане, Чемкенте, или Ташкенте. Линия Сыр-Дарьи, Туркестанская область,

Зачуйский край и Алатавский округ составят пограничное губернаторство с полувоенным устройством. Остальная часть Оренбургской и Сибирской степи разделяется на две губернии. Власть должна быть очень сильна, но не касаться внутреннего быта киргизов, суда и вообще самоуправления номадов. Губернатор действует через уездных начальников, имеющих обширную власть только в политическом отношении. Более русских властей в степи нет, потому что все управление в уездах лежит на самом народе, выбирающем для этого султанов, волостных и аульных старшин. В религиозном отношении мы стали в разрез с магометанскими взглядами положения Сперанского. Мы укажем на необходимость действовать законною христианскою пропагандою и хотим запретить выписку чужеземных мулл, которые должны быть непременно из наших киргиз.

Вот главные основания, на которых сходятся все члены комиссии. Как мы выработаем из собранных материалов будущее положение – дело другого рода. Желания, видно много и силы тоже, кажется, есть. Дай Бог, чтобы исполнилось все, что мы желаем!

23 числа, согласно прозрачным намекам Дюгамеля, мы отправились в так называемую загородную рощу, где высший омский круг устроил празднество в пользу школ и приюта. Загородная роща узурпировала свое название. Это, именно, поляна на берегу Иртыша, поляна окруженная лесом; она затейливо обнесена решеткой из березовых палок. В середине летнее местопребывание клуба – дурная деревянная постройка. В разных местах стояли столы с самоварами, угощали знатные барышни. В юртах устроены лотереи. Я издержал более 25 руб. на лотерейные билеты. Тут же гуляли в саду воспитанницы из так называемого приюта...

Из рассказа Пеллено. ...отзывался о Потанине, как о человеке решительном и очень сведущем. Пеллено предложил ему покаяться. Потанин спросил его в чем ему раскаиваться – если в желании освободить Сибирь, то это не преступление, а результат его убеждений; но что он своих убеждений не скрывает, а расскажет их совершенно чистосердечно. После того он сел за бумагу и несколько дней описывал те обстоятельства, из которых, по его мнению, вытекает необходимость отделить Сибирь. Щукин также самостоятелен.

25.07.1865 – выехали из Омска в Ишим.

От Ишима до Петропавловска. Богатая это страна и будет она житницейю Сибири, если будет колонизована как следует. Петропавловская таможня, ее слабая эффективность.

...нам нужно собрать силы и пушками открыть средне-азиатские рынки нашим произведениям.

29.07.1865. Касимовские и казанские татары ежегодно приезжают в Петропавловск, чтобы поселиться здесь. Таким образом. магометанский элемент постепенно, но постоянно берет верх над православным. К тому же они обращают серьезное внимание на образование своих детей. На магометанское население Петропавловска существует семь школ, тогда как в городе существуют только две православные школы: одна для мальчиков (С.220), другая для девочек. В магометанских училищах воспитываются даром. на счет мусульманского городского общества, до 150 киргизских мальчиков. Что же это делаем мы. русские? Неужели нам нельзя выдержать борьбу и с татарскою национальностью. На русские школы не хватает денег.

1865. Я мог заметить много антагонизма между русским и татарским обществом.

Киргиз-ямщик. Это дикарь во всей своей безобразной девственности. Глаза, - глаза пещерного человека геологов и археологов – блестели каким-то лисичьим блеском из узких, косо разрезанных щелей. Бормоча что-то Новикову, он показывает зубы, блестящие как лучший перламутр. Узкий лоб отброшен назад; голова широкая, переносье придавленное; скулы особенно развиты... недалеко ушел он от шимпанзе.

Всеподданнейший доклад Степного генерал-губернатора, генерала от кавалерии Е.О. Шмидта о состоянии и нуждах колонизационного дела в ст. крае. 1910 г.⁶

Исторический очерк переселения:

Численным ростом и культурно-экономическим развитием Степной край обязан переселению русских крестьян.

Две выдающиеся даты: 1893 и 1906 – с которыми связаны успехи заселения киргизской степи. До 1893 г. переселение не пользовалось сочувствием Правительства, и колонизация края происходила преимущественно путем самовольного заселения. 4.03.1893 учреждение КСЖД – мероприятия к расширению дела колонизации Сибири.

Степной край включен в число колонизируемых районов. В целях развития и правильной постановки в нем переселения заботами Комитета приступлено к изучению природы и населения края. Но полное осуществление начинания Комитета получили в 1906 г. С этого времени переселение стало делом вполне народным и начало пользоваться самым широким сочувствием и поддержкой правительства. На ряду с установлением действительной свободы переселения, в этот период последовало объединение всех отраслей переселенческого дела и увеличение в сметных ассигнованиях на его нужды.

Современная постановка переселенческого дела.

Объединение различных отраслей дела в районные организации, усиление личного состава, широкая постановка землеотводных работ, основанная на статистических, геоботанических, почвоведческих, гидротехнических исследованиях, благотворно отразились на заготовке переселенческих участков.

Интенсивность работ без ухудшения качественной стороны. Случаев оставления переселенцами своих наделов в виду их непригодности относительно немного.

Заготовка переселенческих участков при всей успешности отстает от спроса.

Положение края, благоприятные условия всегда привлекали переселенцев. Спрос достиг высокого напряжения. По данным Челябинской регистрации за один 1908 г. в Степной край прошло перес. и ходоков 163301, что к общему движению в Азиатскую Россию составляет 22,5 %. Главная масса направляется в Акмолинскую область.

Всего переселенцев устроено в Степном крае: 229804 м. д., или около 45000 д. о. п. Наиболее напряженный год 1909 г. только в Акмолинской области устроено 15996 семей, 89149 д. о. п.

С 1906 г. контингент стал значительно беднее. ... Прекрасное оборустроено снабжения переселенцев в пути продовольствием, в частности горячей пищей. ... Я сам лично неоднократно пробовал и нахожу ее выше всякой похвалы. Помощь направлена на создание собственного хозяйства. Денежные ссуды на домообзаводство, общепользные надобности, отпуск бесплатного леса из казенных лесных дач, выдача хлеба и денег на продовольствие, семян на посев и отпуск на льготных условиях сельскохозяйственных машин и оборудования.

...

Для 80% детей школьного возраста нет возможности посещать школу, «идеал всеобщего обучения пока представляется слишком далеким от осуществления». Не только всеобщее обучение, но даже до российской норма 15 – 20 летней давности еще не достижима.

Отрадный факт: церковь и школа для переселенцев с каждым годом привлекают к себе все более и более живое внимание разных ведомств, учреждений и лиц. Вместе с тем усиливается приток средств на это дело...

Экономическое положение края и переселенцев в частности.

⁶ ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. Д. 5938. Доклад степного генерал-губернатора о состоянии и нуждах колонизационного дела в Степном крае, 1910. Л. 4 – 16.

Под влиянием колонизации Степной край вступил в период быстрого экономического подъема. Переселенцы, увеличивая число относительно культурным и энергичным элементом, численность населения, призвало к жизни прежде нетронутые и слабо использованные силы и богатства природы, и вместе с тем открыло широкое поле для приложения труда части безземельного крестьянства.

... В местной жизни с ее населением и хозяйством наблюдается процесс полной перестройки бытового и хозяйственного уклада. Экономическое оживление сказывается на: ежегодном прогрессирующем увеличении размеров посевной площади, в улучшении постановки скотоводческого хозяйства, в развитии фабрично-заводской промышленности и в усилении товарообмена – этого наиболее яркого показателя материального благосостояния населения.

В крае имеются все данные для дальнейшего преуспевания.

Сравнивая экономическое положение переселенцев на новых местах с тем, что у них было на родине, можно отметить: увеличение скота (в полтора раза на двор; число хозяйств без скота сократилось с 10% до 7), мертвого инвентаря, посевной площади, т.е. всего того, чем крепка жизнь крестьянина.

... В этом отношении наша колонизация в частности Степного края выгодно отличается от западноевропейской эмиграции. В то время как эмигрант достигает благосостояния после ряда лет упорного труда, а иногда только во втором поколении, переселенцы Степного края становятся экономически крепкими через 3 – 4 года...

Необходимо широкое оказание населению культурно-агрономической помощи. При низком уровне сельскохозяйственной культуры – недороды. Природные условия, несовершенная форма землепользования, которая практикуется перес. Общинное землепользование является почти исключительной формой среди переселенцев. В некоторых случаях под покровом общины царит полная земельная неурядица и, роль обществ сводится или к молчаливой санкции установившихся беспорядков в землепользовании, или в лучшем случае – к установлению чересполосицы.

В связи с неупорядоченностью землепользования переселенцев находится и та хищническая система полеводства, направляясь главным образом к расширению посевной площади и в ущерб качеству ее обработки, не всегда оправдывает труды и надежды земледельцев.

Это показывает как необходимо для края упорядоченное землепользование переселенцев и культурно-агрономические мероприятия.

... нужно поставить и скотоводство на ту высоту, которая соответствует его месту в экономике края. Культурное скотоводство должно быть признано наиболее желательным типом хозяйства. ... может составить выгодную сельскохозяйственную отрасль. На свободных неудобных угодьях нужно развивать рациональное скотоводство.

Насущные нужды края:

1. Духовно-религиозные потребности

Переселение и постройка Великого Сибирского пути были теми могучими факторами, которые сдвинули край с мертвой точки и вдохнули в него новую жизнь. Производительные силы были вскрыты и, жизнь края забила учащенным темпом.

Наблюдаемое нами приобщение края к русской национальной культуре, экономический рост его, развитие торговли и промышленности, все это создано в сказочно краткий период и лучшим образом свидетельствует на сколь верном пути стоит Правительство колонизуя край.

Уже теперь Степной край имеет значение надежного оплота от иноземных посягательств на нашу окраину; в будущем же на его долю может быть выпадет еще более почтенная роль - сыграть значение прочной базы при выполнении исторической задачи Русской Империи. ... только окрепнув, в состоянии будет заплатить сторицею за принесенные на пользу государства жертвы. Увеличивая дело колонизации вширь, вместе с тем необходимо развивать его вглубь.

Новой жизни, создаваемой переселением, с самого начала надлежит придать тот духовный облик, который гарантируя всему краю и переселенцам, в частности, сильную культурно и экономически жизнь, вместе с тем был бы проникнут истинно-русской национальной идеей.

Православная церковь, освещавшая исторический путь нашего Великого государства и воспитание народа в преданности своим Царям и Отечеству, и в жизни переселенцев должно занять подобающее место и значение. Русские люди, скорее всего, признают в киргизской степи свою родину тогда, когда и здесь найдут ту дорогую им обстановку – храм Божий и народную школу – с которой они расстались, уходя на переселение, и потребность в которой тем настоятельнее, чем новее и труднее условия их жизни.

В переживаемый нами период общего безверия, или, во всяком случае, упадка религии, православный переселенец находится в исключительно неблагоприятных условиях. Лишенный возможности удовлетворять свои религиозные потребности и окруженный татарами, киргизами и всевозможными сектантами, он легко может утратить чистоту православия или в лучшем случае, - впасть в рел. индифферентизм, а вместе с сим – забыть славные традиции своей национальности.

Местная администрация, озабоченная размещением переселенцев на удобных для их существования местах и прилагающая все меры к материальной их обеспеченности, в целях создания на окраине из русских переселенцев надежной опоры государству, не может выполнить этой важной задачи, если будут забыты духовно-религиозные и национальные стороны русского переселения. Громадные затраты, делаемые Правительством на колонизацию края, не достигнут своей цели, если одновременно с заботами Правительства об упорядочении и утверждении русского элемента, не пойдет навстречу этому стремлению Православное духовенство.

Нам, прежде всего, необходимо иметь в качестве проводников начал русской Государственности, покоящейся на православии, образованное, энергичное и преданное церкви духовенство. ... расширить православное миссионерство, постройку храмов и церковных школ в наиболее населенных местах, а главное приложить заботы к скорейшему открытию в Омске в принципе разрешенной духовной семинарии для подготовки из среды местного населения священников, достойных занять то ответственное положение, которое налагает на наше духовенство вся обстановка переселенческой жизни.

На государстве лежит великой важности задача – сделать переселенца крепким верой и заветам старины.

Просветительские нужды.

... Новизна условий жизни и труда, удаленность от административных и культурных центров, жизнь среди инертных и полудиких кочевников – все это создает столь неблагоприятную обстановку для переселенцев, что при продолжительном действии ее на них, проводники русской культуры среди кочевников сами постепенно могут опуститься до уровня последних и утратить свое национальное превосходство.

Без поднятия просвещения и в особенности профессионального и природного богатства края не будут полностью использованы или эксплуатация их примет ненадлежащее направление...

... По пути встречались группы усталых пеших ходоков с котомками за плечами: они шли в поисках за землей. Тут же двигались переселенцы уже обеспечившие себя земельным наделом. С обозами, перегруженные домашним скарбом, с женами и детьми они медленно направлялись к новым местам. Первое время новый край очень неприветливо встречает переселенцев. После продолжительного и полного лишения пути, новоселы вынуждены бывают долгое время жить в палатках или шалашах из ветвей. ... Первые годы переселенцы проводят в тесных сырых и холодных жилищах и несут

страшные лишения. Особенно плохи жилищные условия в южных безлесных местностях. За отсутствием строительных материалов, переселенцы делают землянки скорее похожие на ямы, чем на чел. жилье... Через несколько лет неприхотливая, но просторная и уютная изба. Усадьба застраивается хозяйственными постройками, засеивается огородными овощами. Появляются палисадники с цветами и фруктами. Кругом чувствуется жизнь пускает прочные корни.

Ехать по степи – это читать живую книгу. Перелистывая ее, мы можем наблюдать переселенческую жизнь в самых разнообразных стадиях и проявлениях. Наряду с невыразимо бедными и неустроенными новыми переселенческими поселками, встречаются богатые, хорошо обстроенные, с развитой жизнью селения. В них обыкновенно красуется купол и крест православной церкви, из построек чистотой выделяется школа, хозяйственный магазин и др. общественные здания... высокочинательный пример, трогаящий душу простотой и искренностью памятник. Обелиском с бюстом на нем запечатлели русские переселенцы свою верноподданническую благодарность царю освободителю (с. Явленное, Петропавловского уезда). В таких поселениях формируются люди мощные духом желающие жить собственным трудом, преданные и благодарные своему царю. Охотников возвратиться обратно из обжившихся нет. Крепко врастает в землю... Каждый новый поселок – новое завоевание русского человека. И таких поселков уже не единицы и не десятки, а сотни, видя в моем лице представителя Вашего императорского величества, восторженно приветствовали меня. Целые селения в праздничных одеждах выходили навстречу.

Мои слова о царственных заботах Вашего Императорского Величества на пользу и благо переселенцев прерывались патриотическими манифестациями с пением национального гимна и несмолкаемыми криками ура. Все на моем пути было сплошным доказательством того, как могуч наш крестьянин, как глубоко у него чувство благодарности Вашему Императорскому Величеству за наделение землей и за ваши высокомиловитые отеческие заботы о нем. Неподдельным счастьем светились лица детей» при вручении портретов Вашего Императорского Величества. Просили меня выразить их чувства безмерной любви и беспредельной благодарности, каковые я дерзаю от их имени повергнуть к Священным Стопам Вашего Императорского Величества.

V. 5-я глава.

Я приехал в Атбасар последним мои товарищи были уже там и поджидали меня, чтобы сговориться о дальнейшей работе. Так как я ехал по проходному свидетельству, выданному мне в Омске, как гос. преступнику, то я был обязан явиться к представителю местной власти, т.е. к уездному начальнику, что я и сделал утром следующего дня. Уездным начальником был молодой офицер-поляк, вполне вежливый, культурный. Между прочим он сказал мне, что согласно «открытого предписания» выданного мне, как и другим старшим работникам экспедиции, Степным ген.-губ., он, как уездный начальник, должен мне оказывать всякое содействие, а по секретному распоряжению того же ген.-губернатора он должен следить за моей деятельностью и в случае, если она будет направлена к подрыванию основ и т.д., то немедленно принять соответствующие меры до ареста и препровождения в Омск включительно. Со мною он был очень любезен и при прощании просил непременно быть у него вечером, говоря, что жена не простит ему, что он не познакомил ее с приезжим из культурных мест. «Ведь мы здесь как в ссылке, никого не видим и рады каждому свежему человеку». Несмотря на мои отговорки об усталости, ко ссылке на дорожный костюм и т.п., пришлось все-таки вечер провести у него.

По моей просьбе он рассказывал о своих разъездах по уезду и между прочим о поездке в Голодную степь, составляющую границу Атбасарского уезда с Сыр-Дарьинской обл. Ему хотелось если не пересечь ее, что представляет большие трудности (51) и возможно только ранней весной, когда жары еще не наступили и зимняя влага не испарилась, или поздней осенью, после дождей, то хоть бы подъехать к границе ее, которой считается довольно крутой подъем на плато Голодной степи. Но, несмотря на то, что он поехал в конце лета, когда сильные жары уже миновали, ему не пришлось добраться до Голодной Степи, так как он поучил солнечный удар и его совсем больным привезли в Атбасар.

По соглашению с моими товарищами по работе мне предстояло обследовать южные волости уезда, но так как значительная часть киргиз-южан из рода Баганала была опрошена на северных летовках, но мне не было нужды добираться до Голодной Степи, ибо всех неопрошенных киргиз я мог захватить на их осенних пастбищах по пути к зимним стоянкам.

По мере удаления к югу от Атбасара растительный покров становился все более скудным. Березовые колки, попадавшиеся изредка к северу от Атбасара исчезли и только по берегам пресноводных источников торчали кусты ивняка. Днем было очень жарко. В колебаниях горячего воздуха чудились группы деревьев вдоль сверкающей поверхности воды, какие то причудливые строения и т.п., а в действительности это были невзрачные кустики тальника, или даже крупных солянок около (52) солончака, покрытого слоем блестящих солей, разрушенной зимовкой и т.п. Особенно безрадостен был ландшафт около большого соленого озера, протянувшегося на много десятков верст с севера на юг. Киргизы называли его Денгиз или Тенгиз, что значит море. Берега были совершенно безжизненны. Не было видно ни птиц, ни растительности. Но по отлогостям берега виднелись ракушки, что указывало, что пода озера не совершенно мертва и что возможно присутствие рыбы, хотя киргизы, на вопрос о рыбе, отзывались незнанием. Возможно, что попытки рыбопромысла были бы не безуспешны и то некоторые породы рыб нашли бы для себя, в условиях Дениза, подходящую среду. Киргизам-скотоводам нечего было делать около Денгиза, т.к. его горько-соленая вода негодна для питья, а кустики солянок, разбросанных по его берегам, годны только для верблюдов.

Так, переезжая от одной стоянки киргиз к другой, мы доехали почти до Улу-Тау, что значит Большая гора и повернули назад с тем, чтобы не задерживаясь в Атбасаре отправиться в Акмолинск, где мы решили съехаться и откуда нам предстояло перебраться в Павлодарский уезд Семипалатинской области.

Акмолинск был крупнее и казался более благоустроенным, чем Атбасар. В нем было немало татар, торговцев преимущественно, торговавших с кочевниками, снабжая их

(53) всем необходимым в домашнем и хозяйственном обиходе и покупая у них живой скот и продукты скотоводства. В конце июля в Акмолинске начиналась ярмарка вторая по размерам оборота в Крае, на первом месте стояла т.наз. Ботовская ярмарка близ г. Каркаралинска. Раньше других открывалась Ботовская ярмарка, затем купцы, насытив спрос местного населения и закончив закупку скота, шерсти и проч. у киргиз переезжали со своими товарами в Акмолинск и оттуда в Атбасар.

Ко времени нашего приезда в Акмолинск ярмарка уже подходила к концу, хотя поторговля шла еще бойко, и на ярмарочной площади было много народа, почти исключительно киргиз. Характерной особенностью толпы, слонявшейся по ярмарке было то, что она состояла из мужчин. Женщины встречались редко. По-видимому причина этого не в отсутствии интереса у женщин к ярмарочной торговле, - мне пришлось наблюдать с каким жадным вниманием они рассматривали товары «саудегера», т.е. тоговца в развоз, когда он распаковывал свою тележку, - а в том, что мужчины-хозяева сами занимались покупкой всего необходимого, выбирая ткани, обувь, посуду и т.п., а женщины оставались в аулах.

Кстати сказать в кочевой жизни все работы по домашнему хозяйству лежали на женщинах. Они собирали топливо (кезек, сучья) готовили пищу, шили, стирали, доили (54) рогатый скот и овец, а при кочевках ставили и убирали юрты и т.п. Только в богатых семьях женщины предавались праздности, в средних же и бедных женщины вечно были заняты. Вероятно благодаря условиям кочевой жизни с постоянными передвижениями, с крайним неудобством, граничащим с невозможностью изоляции от мужчин, женщины держались совершенно свободно и не только не носили туркестанской паранджи, или азербайджанской чадры, но и вообще не закрывали лица (Примечание: имело значение вероятно и то, что киргизы были сунниты, а сарт и азербайджанцы шииты). Но я не раз замечал, что во время еды за столом располагались только мужчины, а женщины, если они присутствовали, сидели позади мужчин, которые от времени до времени, передавали им, не оборачиваясь даже, полу-обглоданную кость, а иногда и куски мяса.

В Акмолинске наша партия пробыла недолго и через несколько дней отправилась в Павлодарский уезд Семипалатинской области. По дороге, на одной из остановок для замены уставших лошадей свежими, к нам подъехал в арбе пожилой киргиз, остановился и вступил в разговор. Оказалось, что это был доктор, живший в Китае и там постигший тайны врачевания. Я спросил его, какие же болезни он лечит. Он ответил, что всякие болезни, а чтобы узнать, чем болен больной, он надевает особые очки, через которые (55) он видит, какая болезнь и где именно она находится. И он показал очки с большими круглыми слабо-дымчатыми стеклами. Окружающие киргизы выразили изумление и относились с чрезвычайным почтением к обладателю чудесных очков. Но чтобы видеть в эти очки болезнь, пояснил доктор, нужно знать, а если незнающий наденет их, то из этого ничего не выйдет.

В Павлодарском уезде мне пришлось исследовать одну из волостей, расположенных по правобережью Иртыша, непосредственно за линией казачьих земель. И хозяйство, и весь быт этих киргиз заметно отличались от киргиз Атбасарск. у. и особенно вечных кочевников его южной половины. В их стаде на первом месте рогатый скот, лишь в небольшом количестве разводимый кочевниками Атбасарского уезда. Кочевки их удалены от зимних стоянок на далее 2-3 десятков верст. Все они делают запасы сена на зиму, и многие сеют хлеб. Среди них много осевших, джатаков, но эти джатаки уже не такие бедняки как там, где кочевник чтобы кочевать должен иметь несколько вьючных и верховых животных и где невозможность кочевать является признаком упадка, почти нищеты и расценивается как несчастье.

Павлодарские джатаки просто осели, предпочитая спокойную, хотя и трудную жизнь оседлого земледельца приятной жизни кочевника (56) когда все идет хорошо и полной лишений, вплоть до риска собственным существованием, когда год неблагополучен, когда гололедица (муб) и связанный с нею падеж скота (джут)

превращает вчерашнего хозяина почти в нищего. Конечно в переходе к оседлости немалое значение имеет и сравнительное малоземелье, явившееся в результате роста населения и отчуждения земель для казаков, а потом и переселенцев.

На одной из первых стоянок, в самом начале работ мне сказали, что ко мне собирается придти один из почетных, уважаемых в волости киргиз. Я подумал, что это, вероятно, богач, но ошибся. Почетный киргиз оказался хозяином, по достатку несколько выше среднего, но ученым, мало интересующимся хозяйством. При его появлении все киргизы встали с почтительными поклонами, прижимая руки к груди, и пропустили его на почетное место близ меня. Это был большого роста дородный мужчина, средних лет, крайне добродушного вида. По-русски он говорил плохо и через переводчика он спросил, может ли он поговорить со мной. Я спросил в чем дело и был положительно засыпан самыми разнообразными вопросами, не имевшими ни малейшего отношения к хозяйству и быту киргиз. Пересыпая свою речь русскими словами, Абдул-Галим – так звали его – спрашивал меня о железной дороге и о (57) телеграфе о том, правда ли что земля кругла и движется вокруг солнца, а солнце стоит, и сам рассказывал мне, что наблюдает течение небесных светил в трубу и что читал много книг и, между прочим соч. Дарвина и удивляется мудрости этого ученого человека, который открыл, что человек произошел от морской девки и обезьяны. И обо многом другом, главным образом в области, так сказать, познания природы говорил он, видимо спеша поделиться со мной, человеком «ученым», могущим понять его, всем, что его интересовало. Присутствовавшие в юрте киргизы внимательно и почтительно следили за нашей беседой, видимо удивляясь учености Абдул-Галима. А я думал о том, сколько радости, наслаждения могла бы доставить этому человеку хорошая научная книжка на родном языке, раскрывающая тайны природы.

Я очень пожалел, что не мог поговорить с ним на его языке, разговор же через переводчика был мало интересен, и мне удалось только выяснить, что книги, читаемые им турецкого происхождения.

За время моих работ среди киргиз с 1897 г. по 1902 г. это был единственный «ученый», встреченный мною, интересовавшийся не столько своим личным хозяйством, сколько вопросами, далеко выходящими за пределы повседневной жизни, за пределы обычных интересов.

58

Закончили работу уже в октябре. Снега еще не было, но было холодно и работать в войлочной юрте, столь приятней летом, стало неудобно. Приходилось закрывать двери и задергивать тюндук /верхнее отверстие юрты/, и зажигать свечи. Степь уже потеряла свою прелесть, хотелось поскорее попасть домой в Омск, начать разработку собранного за лето материала.

В Омске мы, участники экспедиции, жили обособленной жизнью, занятые разработкой собранного нами обширного материала о киргизском и переселенческом хозяйстве. Днем работали в нашем Бюро, вечером у себя и когда мы сходились у кого-нибудь, что бывало не редко, то разговор почти неизбежно сводился к нашей работе. Кочевая жизнь киргиз была так своеобразна, и при всем кажущемся однообразии так разнообразна, что чуть ли не каждый вопрос хозяйства и быта возбуждал споры. И только постепенно, по мере разработки материалов, собранных в различных районах, отличающихся и по природным условиям и в экономическом отношении, нам удалось подойти к более или менее полному и точному определению вопроса что такое киргизское хозяйство. Нужно сказать, что законченное представление о нем сложилось у нас только после того, как нами были обследованы крайние восточные уезды степного края, Зайсанский и Устькаменогорский и Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области, граничащие с Степным краем на западе, с густым населением, с большим числом переселенческих поселков, с более благоприятными для оседлой жизни природными условиями, чем в большинстве местностей Степного края. Сопоставление форм хозяйства и быта киргиз на обширной, обследованной нами территории, позволило проследить и

понять их эволюцию во времени. (59) Но это уже поздно, к концу наших исследовательских работ, а в этом году мы еще не имели отчетливых представлений о сущности киргизского кочевого хозяйства. В этом году, когда в конце зимы один из членов экспедиции, В.А. Владимирский, сделал доклад в зале Западно-Сибирского Географического общества о работах экспедиции, только в последовавшей беседе выяснилось, что ни докладчика, ни тем не менее у слушателей не было отчетливого представления о том что же в сущности представляет киргизское кочевое хозяйство.

Зимой же в Омск приехал И.Г. Короленко и с ним проф. Дижонского университета Жюль Легра с Иларионом Галактионовичем, братом Владимира Галактионовича я был знаком раньше. Он ехал в Томск, центр его района – он был инспектором по страхованию какого-то крупного Страхового общества – и остановясь по делам на несколько дней в Омске он привел ко мне Легра, который хорошо говорил по-русски, бывал несколько раз в средней полосе России, издал книжку «...» и теперь собирался пересечь Сибирь до Владивостока, совершая поездки в сторону от ж.д., которая в то время была оборудована только до Томска. Результаты его поездки он опубликовал в интересной книжке «En Sibirie». Легра приезжал в Сибирь еще раз, помнится, уже в 1901 году и останавливался у меня. Я был в то время под впечатлением предстоящего суда над Александром Александровичем Ергиним..., моим молодым товарищем по «группе народовольцев», уцелевшим при нашем провале в 1894 г. Он был тогда студентом Петербургского университета и производил чрезвычайно приятное впечатление, веселый, жизнерадостный, простой, без малейшей позы. И вот его должны были судить за убийство виновника Якутского расстрела политических ссыльных, в результате которого было убито несколько человек, несколько ранено, из которых потом трое были повешены. Адвокатом Ергина должен был быть присяжный поверенный Переверзев, на оплату путешествия (60) которого в Иркутск, где предстоял суд, и обратно собирались деньги, чем занимался и я. Рассказал я об этом и Легра и велико было мое удивление, когда он в тот же день передал мне 25 р. с извинением, что не может дать сейчас больше. Я изредка обменивался с ним письмами и виделся еще два раза в 1984 г. на Джанхоте /близ Геленджика/, куда он приезжал к И.Г. Короленко, и в 1917 г. в Петербурге, когда еще можно было удивляться «бескровности» русской революции.

В конце марта в Омск приехал заведывающий экспедицией Ф.А. Щербина с тем, чтобы установить нормы землепользования для киргиз Атбасарского уезда и обследованных волостей Акмолинского и выявить земельные излишки для отчуждения под переселенческие поселки. В начале мая результаты были доложены Щербиной генерал-губернатору и после утверждения выработанных нами норм Щербина уехал в Воронеж, а мы начали готовиться к отъезду в степь. Мне предстояло обследовать южные волости Акмолинского уезда и несколько волостей Каракалинского. По просьбе одного из членов экспедиции П.А. Васильева, который, по соглашению со Щербиной, должен был всецело заняться обследованием переселенческих поселков, я взял на себя обследование переселенческого поселка Бота-Кора, расположенного на границе трех уездов: Павлодарского, Каркаралинского и Акмолинского, далеко отстоящий от прочих поселков Акмолинского уезда, подлежащих обследованию П.А. Васильева и находившийся как раз на моем пути.

Наиболее удобный и скорый путь в мой район лежал почтовым трактом через Павлодар на Каркаракалинск, не доезжая двух трех станций до которого мне предстояло повернуть на запад и уже не на почтовых, а на киргизских лошадях ехать в Акмолинский уезд, как раз через поселок Бота-кара, переделанный переселенцами в Бутгору.

(61) Когда я приехал в поселок в нем было с десятков дворов. Попросив домохозяев собраться, чтобы дать мне необходимые сведения, я был удивлен видя среди собравшихся значительное преобладание женщин.

А где же мужчины? Спрашиваю. «Да коренные то жители, почитай, все собрались, одного-двух нету, а эти вот женщины приезжие, стало быть поселиться здесь желают».

А мужья их где же?

«А кто их знает», отвечал острожный сибиряк, павлодарский мещанин. «В город однако уехали»... Да вот они сами лучше расскажут» /стр. 376 и 377/.

Из них выделилась одна пожилая женщина, типичная украинка, в 62 серой свитке, несмотря на жару, в темном с цветами ситцевом платке, особенным образом повязанном.

- Здравствуйте, - поклонилась она мне

Здравствуйте, а где же мужики ваши?

- А мужики у городи...

- Когда же они возвратятся?

- А не знаем... - проговорила она, и вдруг слезы закапали у нее из глаз.

- Что такое, в чем дело? – спрашиваю, видя, что и другие женщины тоже утирают глаза.

- Увезли наших мужиков... увезли...

- Да за что же? Что они сделали?

- И просто не знаем за что... приехали урядники, чи як их там, и увезли...

- Да расскажите по порядку, - вмешался сибиряк ты Расскажи, Домна, товарищу как было дело... боятся они, - пояснил он мне.

Домна оправилась и начала рассказывать действительно по порядку. К сожалению, я могу передать ее рассказ только по-русски.

- Еще как мы на родине были, да задумали, как и люди добрые, поехать в Сибирь, так знали, что нужно ехать на Кокчетав, а оттуда на такой Тычок (Примечание: испорченное киргизское «Аты-джок». Название урочища). Ну, хорошо, купили это мы в Петропавловске коней, телеги и таки доехали в самый Тычок. Место хорошее, ну только народу там – страсть Божья и все приписки ожидают. Ну, наш кум – там в Тычке у нас кум живет – и говорит: «вот что, запрягайте Вы коней и езжайте на Бутгору, там место хорошее и свободное. Ну, мужики поговорили, поговорили, видят что ничего не сделать, запрягли коней, спросили про дорогу и поехали. Сначала как по поселкам ехали ничего было, а как выехали в чистую степь, то тут приняли муки, что не дай Бог... Конца краю нет той степи и кроме орды никого нет. Стали орду спрашивать (62) про Бутгору, а они по руську не знают, то туды покажут, то сюды... И без воды то мы сидели, и чуть что уже не голодать начали, а тут еще ребятишки расхворались, оспа чи-що на них напали, говорят, сыпушка высыпала... Что тут делать! Хоть ложись да помирай... И вот едем мы так, уж к ночи дело, думаем, где нам остановиться вдруг слышим колокольчики звякают... обрадовались, - то нам Господь Бог помощь посылает. Видим, едет повозка и три лошади запряжены, а кругом орды этой много и с лошадьми. Вот мужики и давай кричать «стойте, добрые люди, стойте!» Остановилась повозка мужики к ней, шапки поскидали и говорят: «скажите, сделайте милость, как нам на Бутгору проехать?» А тут из повозки барин выглянул, да спрашивает, а Вы кто такие? Ну, мужики и говорят: переселенцы мы, заблудились... а барин как закричит: ах вы такие – разсякие, шляется тут, безбилетные бродяги.. и пошел честить и так и сяк; я говорит, Вас вон выгоню, чтоб духу вашего здесь не было!.. Господу Богу небесному известно, сколько мы страху тут приняли... Наругался барин и уехал... Ну, спасибо тут один киргиз подъехал, да и говорит: этой дорогой надо ехать, недалече и Бутгора будет. И правду недалече. Приехали мы, а тут избушки пустые были, хоть плохонькие, а все же избушки: устроились мы тут кое как с больными ребятишками, да спасибо еще дядьке Половневу – дал нам коровку доить, сам он в город уезжал; думали, что Господь даст, поправимся с дороги, а вдруг на пятый или на шестой день приезжают полицейских двое и велят мужикам в город собираться, а нас с ребятишками больными хотели с хат повыбрасывать – начальство, говорит, приказало! Насилу упростили мы: «что же, говорим, хйба на вас Хреста не мае!..

Так мы уже 5-й день без мужиков и не знаем, что и будет... закончила Домна свой рассказ.

(63) *Пропущен лист (судя по нумерации)*

передвигаясь в своих больших сапогах, приспособленных для верховой езды и неудобных для пешего хождения. Конные киргизы одиночкой и группами сновали в толпе, сопровождая навьюченных верблюдов, скрипучую арбу, или шматов овец. Все это шумело, но беспорядка не замечалось, вероятно, от того, что не было пьяных. Особой группой стояли юрты, в которых продавалась различная еда, чай, кумыс. Особым вниманием пользовались юрты, в которых сарты готовили «менты» большие пирожки с бараниной и какими-то пряностями, жареными на бараньем сале. По-видимому эти «менты» или «мянты» несколько дурманили головы.

Дорога на Каркаралинск, или Каркаралы в просторечье, идет с подъемом. Город расположен у подножья окружающих его гор, сложенных преимущественно из гранитов. Склоны покрыты сосной сильно изреженной, отчасти листовыми породами. Вершины гор скалисты. Высота над уровнем моря около 1400 метров. Город совершенно неблагоустроенный, без мостовых, без уличного освещения, с небольшими деревянными одноэтажными домами, заселен преимущественно казаками Сибирского казачьего войска. В городе находились уездные присутственные места и казачье управление. Местоположение делало его более привлекательным, чем Акмолинск и особенно Атбагар.

В Каркаралинске мне пришлось познакомиться, как представителю экспедиции, с уездным начальником или как было принято называть их начальником уезда. Это был человек лет 35-40, кавалерист, семейный, бросивший военную службу, как он говорил, из-за невозможности прожить с семьей на офицерское жалованье; среди киргиз он пользовался хорошей славой, а за неутомимость в верховой езде получил прозвище «темир-гет», что значит железный зад. На первых порах он принес немало тревоги киргизам, собст-

(64)

Я прожил в поселке Батакара двое суток, но мужики при мне не возвратились. Кстати сказать основателем поселка был павлодарский мещанин Половнев, уже старик, прельстившийся хорошей водой речки Нуры, обилием сенокосов, прекрасными почвами и отсутствием поблизости не только русских поселков, но и киргизских зимовок. По рассказам (мне его не пришлось видеть) этот бодрый старик старался привлечь засельщиков на облюбованное место и мечтал, что поселок будет назван «Половневкой», но кажется мечты его не сбылись.

Закончив работы в Акмолинском уезде мы отправились в Каркаралинск, но задержались на несколько дней верстах в 40 от города на урочище Кулунды, где в это время было большое скопление киргиз, приехавших на ярмарку для обмена своего скота, кож, шерсти и др. на необходимые им товары. В отличие от Атбасарской и Акмолинской ярмарок, здесь для размещения товаров были выстроены деревянные бараки, вытянутые в два ряда. Особо стояли дома для полицейского начальства, банка, почты. Кроме барачников торговцы помещались в юртах. На ярмарке было большое оживление. Киргизы группами слонялись от одного торговца к другому, неуклюже *(далее – на 63 лист)*

65

венно волостным и аульным управителям, которые, зная степные обычаи, понесли ему когда он вступил в должность соответствующие подарки. Подарки не были приняты, что встревожило киргиз – значит надо дать больше. Принесли больше и опять напрасно, да еще получили внушение, чтобы вообще подарков не носили. Управители и вообще богачи этого понять не могли и забеспокоились. И разговоры об «уездной», не берущем подарков, возникали каждый раз когда они собирались в числе нескольких человек. Что-то нужно было сделать, а что? Они не знали. Но однажды в юрте, где шел разговор на эту тему, присутствовал старый киргиз. Слушал, слушал, а потом спросил: «А хлеб он ест?» Конечно ест.

«Ну так и подарки брать будет...»

Не знаю осуществилось ли предсказание старика, но А.Г. Киниц не производил впечатления грабителя и был приятен в обращении и вообще производил впечатление

вполне культурного человека. Он мне рассказывал об уезде и между прочим предложил поехать вместе с ним на реку Чу, куда ему нужно проехать для переучета кибиток. Предложение его мне очень понравилось. Чтобы попасть на Чу нужно было пересечь Голодную степь, которая имеет в пределах Каркаралинского уезда около 300 в. ширины. Хотя в том месте через Г.С. проходят караванные дороги Хан-джол и Чак-чагайлы джол, по которым идет сношение с Семиречьем и Туркестанским краем, но дороги эти не годны для колесных экипажей да если бы и были годны, то получить сменных лошадей на этом пространстве не было возможности, так как степь безлюдна, а иметь с собой чуть ли не целый табун запасных лошадей, пожалуй еще менее возможно и во всяком случае обошлось бы очень дорого для нас и во много раз дороже для населения, которое дало бы нам лошадей. Оставался единственный способ ехать верхом и иметь вьючных верблюдов. Так (66) именно и предполагал ехать Киниц и заранее сделал распоряжение о том, чтобы к началу сентября на известном месте недалеко от границы Г.-Ст. собрались те волостные управители и писаря, которые должны были ехать с ним, проводник и подготовлено необходимое число вьючных верблюдов и верховых лошадей. Присоединиться к его каравану было очень удобно и не потребовало бы от нас больших расходов. Я принял предложение и мы условились, что закончив свою работу в намеченных к обследованию волостях Каркар. уезда, я возвращусь в город, откуда вместе с Киницем мы отправимся на Чу. Поездка эта была тем более интересна, что на Чу жили оседлые киргизы, основным занятием которых было земледелие, а скотоводство было развито слабо. Весь строй их хозяйства и быта коренным образом отличался от киргиз-кочевников, живущих по эту сторону Голодной степи.

67

В ссылке. I.

Мы с женой решили, что я поеду один, а она приедет, когда я устроюсь на месте моего окончательного поселения, - Омск, резиденция степного генерал-губернатора, был только этапом, генерал-губернатор укажет мне, где я должен пробыть пять лет моей ссылки.

Если бы не расставание с близкими, без твердой уверенности снова свидеться с ними и вообще если бы не сознание подневольности этого далекого путешествия, то оно, особенно во второй половине пути, было бы весьма приятно. Я впервые забирался так далеко на восток, и для меня многое было ново и интересно. Красоты южного Урала, особенно участка от Урала до Златоуста, беспредельный простор Зауральской равнины с березовыми рощами, «колками» по-сибирски и редкими поселками, с табунами лошадей, пасущихся по снегу, своеобразная публика, с нерусскими лицами в невиданных мною одеждах на платформах редко размещенных станций, - все это привлекало внимание и я, вероятно, на 6-ые сутки, незаметно добрался до Омска. В Пб перед отъездом я зашел к Г.Н. Потанину, чтобы расспросить его о возможности иметь заработок и вообще об условиях жизни в том крае, куда мне предстояло отправиться. Потанин познакомил меня с двумя омичами, сидевшими у него: Михайловым и Николаевским, а последний дал мне записку к его жене, говоря, что я могу ехать прямо к ним, что она поможет мне устроиться с квартирой и вообще будет полезна. (68) И действительно Нина Николаевна мне очень помогла устроиться с квартирой и обедом, помогла бы вероятно и заработок найти, если бы мне не пришлось выехать из Омска через 2-3 дня после приезда.

ДП обязал меня тотчас по приезде в Омск явиться к генерал-губернатору, но по совету Нины Николаевны я отправился не к самому генер.-губ., а к правителю его канцелярии Лосевскому, от которого, в сущности, зависело разрешение остаться в Омске. Лосевский принял меня весьма холодно и сказал, что он сделать ничего не может, что все зависит от ген.-губ., который принимает только утром, и что мне необходимо завтра же побывать у него. На следующий день я отправился к ген.-губ. Дежурный офицер доложил обо мне, и вскоре в приемную, где я был один, вошел высокий, немного сгорбленный, седой генерал, барон Таубе, прозванный киргизами как я узнал позже, за свой рост и

седины Ак-Тюе, что значит белый верблюд. На мою просьбу разрешить мне остаться в Омске, где я могу рассчитывать на заработок, генерал ответил отказом и сказал, что завтра же я должен выехать в Семипалатинск, в распоряжение военного губернатора Семипалатинской области. Я сказал, что ехать туда на свои средства я не могу, т.к. не имею денег и прошу отправить меня на казенный счет.

«Но ведь вам придется идти этапом с партией уголовных... пешком...» (69) – Что же делать, у меня нет средств ехать на свой счет.

«Имею честь кланяться» проговорил генерал и ушел в свой кабинет, а я отправился домой, раздумывая о малоприятном путешествии в Семипалатинск с партией уголовных этапным порядком. И велико было мое изумление, когда на другой день утром ко мне явился полицейский пристав отсчитал мне что-то около 30-ти рублей на уплату прогонов за пару почтовых лошадей от Омска до Семипалатинска и чаевые ямщикам по гривеннику на станцию и объявил мне, что он закажет на утро лошадей, и что я должен выехать.

Мои новые знакомые снабдили меня валенками, выше колен, сапогами «пимы» по-сибирски, бараньей шубой, барнаулкой, провизией и письмом к присяжному поверенному Г.Ф. Кудрявцеву, отбывавшему в Семипалатинске ссылку. Рано утром к воротам подъехали огромные, как мне показалось, крытые сани кучей душистого сена, в котором потонули мои вещи и я сам в огромных пимах и широкой барнаулке, надетой поверх пальто. Глядя на невзрачных, малорослых лошадей, как-то понуро стоявших я подумал, что буду тащиться трух-трух, и действительно по улицам мы ехали медленно, но выехав за город, ямщик остановился, рассказал... , подобрав возжи и как-то особенно гикнув, пустил лошадей вскачь. Натягивая все туже возжи и испуская протяжное «ы... й» он пустил лошадей во весь мах, и сани только постукивали, ударяясь о твердо накатанную гладкую дорогу. Верст через 5-6 такой бешеной (70) скачки, ямщик ослабил возжи, и лошади, ускоренно дыша, пошли шагом минут через 5-10 снова протяжные «ы...й!» ямщика, и снова бешеная скачка на туго натянутых возжах.

...

... В Семипалатинск я приехал к вечеру и остановился на постоялом дворе, гостиниц там в то время не было, а на следующий день отправился к военному губернатору, генералу Карпову. Он объявил мне, что временно мне разрешается остаться в Семипалатинске, но что если за мной будет что-либо замечено, то мне придется отправиться в Каркаралинск. Никаких указаний на то, при каких условиях я могу рисковать проехать в Каркаралинск, губернатор мне не дал.